БѢЛОГОРОДСКІЕ АРХІЕРЕИ

ВЪ XVIII ВѢКѢ.

А. Титова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1906.

Отдѣльный оттискъ
изъ №№ 7—8 **Душеполезнаго Чтенія**
1906 г.

395
37

БѢЛОГОРОДСКІЕ АРХІЕРЕИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Вотъ уже три года прошло, какъ вышла замѣчательная книга профессора Харьковскаго университета А. С. Лебедева «Бѣлогородскіе архіереи среди ихъ архипастырской дѣятельности», но къ сожалѣнію, она мало или совсѣмъ не замѣчена нашей исторической духовной литературой. Между тѣмъ эта книга почтеннаго ученаго, представляя капитальный трудъ, уже и теперь составляетъ библіографическую рѣдкость. Авторъ изслѣдовалъ и можно сказать разобралъ архивы Курской и Харьковской духовныхъ семинарій, Харьковскаго коллегіума и Бѣлогородскаго Николаевскаго монастыря. Въ нѣкоторыхъ архивахъ бумаги находились въ совершенномъ безпорядкѣ, сгнили и представлялись только жалкими остатками богатыхъ документовъ. Брали всѣ, кому было нужно. Но и изъ этихъ жалкихъ остатковъ автору посчастливилось найти не мало цѣнныхъ документовъ. Говоря о томъ, что жизнь Бѣлогородскихъ владыкъ мало обслѣдована, авторъ умѣло освѣтилъ не только дѣятельность Бѣлогородскихъ владыкъ, но и умственное и нравственное состояніе народа, среди котораго проходила жизнь этихъ епископовъ, по мѣрѣ возможности боровшихся съ невѣжествомъ и суевѣріемъ не только простолюдиновъ, но и болѣе образованныхъ слоевъ тогдашняго общества.

Уже второй митрополитъ Мисаилъ (1672 — 1684) въ своемъ посланіи дѣлаетъ характеристику своей паствы, обличая въ ней «нехожденіе въ церковь въ воскресные и праздничные дни, уклоненіе отъ исповѣди и святаго при-

частія въ великій постъ и прочіе посты, безмѣрное пьянство, разныя мірскія игрища, какъ-то: кулачные бои, колыханье на качеляхъ, сходбища о Рождествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дня на «бѣсовскія игры», накладываніе на себя личинъ и платья скоморошескаго, безчинное скаканіе и плесканіе на свадьбахъ, такое же скаканіе женокъ и дѣвокъ на доскахъ о святой недѣлѣ, хожденіе къ чародѣямъ и волхвамъ и призываніе ихъ къ себѣ на домъ—къ малымъ дѣтямъ и больнымъ младенцамъ», отъ чего «многіе люди, забывъ Бога и православную христіанскую вѣру, тѣмъ прелестникамъ и скоморохамъ послѣдствуя, незапною смертію помираютъ и съ качелей убиваются». Митрополитъ приглашаетъ духовенство внушать пасомымъ и приказывать накрѣпко, «чтобы всякихъ чиновъ мірскіе люди, и жены ихъ и дѣти, въ воскресные дни и въ Господскіе и Богородичные и великихъ Святыхъ праздники приходили бы всѣ къ церкви Божіей и стояли бы въ церкви Божіей смирно межъ себя во время божественнаго пѣнія, со страхомъ и со всякимъ благочиніемъ и вниманіемъ. И отцовъ своихъ духовныхъ ученіе слушали бы, и во святый великій постъ и въ прочіе святые посты постились бы всѣ. И къ отцамъ духовнымъ ходили бы на исповѣдь, и къ божественному причащенію—кто достоинъ. А отъ безмѣрнаго пьянства уклонялись бы, и скомороховъ съ домрами и гуслями, и съ волынками, и со всякими играми, и ворожей мужиковъ и бабъ къ больнымъ и къ младенцамъ въ домы къ себѣ не призывали, и на улицахъ и на поляхъ и на свадьбахъ богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли, и не плясали, и въ ладони не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулачныхъ боевъ межъ себя не чинили, и на качеляхъ ни на какихъ не качались (?), и на доскахъ мужескаго и женскаго полу люди не скакали, и личинъ на себя не накладывали, и безчинства не чинили (?), и сквернословія не говорили бъ. А которые люди въ воскресные дни и въ Господскіе и въ Богородичные и великихъ Святыхъ праздники

къ церкви Божіей не учнутъ ходить, и во святые великіе посты не учнутъ поститься, и къ отцамъ духовнымъ на исповѣдь и къ божественному причащенію, кто достоинъ, не пойдутъ, и отъ богомерзкаго дѣла не отстанутъ, и впредь такового дѣла стануть держаться, и на такихъ людей приходскихъ церквей попы извѣщали бы вамъ (архимандритамъ, протопопамъ и поповскимъ старостамъ),—а вамъ сказки присылать къ намъ въ Бѣлгородъ, и о томъ о всемъ писать именно»...

И третій Бѣлогородскій митрополитъ Авраамій въ своей инструкціи поповскимъ старостамъ и протопопамъ подтверждаетъ «смотрѣть, чтобы антиминсы на престолахъ были печатные и службы совершались бы по новоисправленнымъ печатнымъ книгамъ, просфоры печатали бы печатью четвероконечнаго креста, какъ о томъ напечатано въ новоисправленныхъ служебникахъ, и чтобы при отправленіи божественной службы пѣли и говорили единогласно (а не въ два или три голоса заразъ) и благовѣстили бы къ божественной службѣ по соборному благовѣсту; а буде которые попы учнутъ божественную службу служить не единогласно и благовѣстить не по соборному благовѣсту, о томъ на ослушниковъ писать къ преосвященному митрополиту въ Бѣлгородъ.

«Приказать всѣмъ жителямъ на крѣпко, чтобы они въ воскресные дни и въ Господскіе и Богородичные праздники и на государскіе ангелы упраздянлись отъ всякой работы и ничѣмъ, кромѣ съѣстныхъ припасовъ и конскихъ кормовъ, не торговали.

«Разослать попамъ памяти, чтобы поучали своихъ прихожанъ не ѣсть удавленины и ударомъ въ голову битой скотины, а ѣли бы только зарѣзанную, помня слова писанія: *въ крови животнаго душа его.*

«Да въ тѣхъ же памятяхъ попамъ написать, чтобъ они по улицамъ на коняхъ верхомъ съ епитрахилью и крестомъ предъ бракомъ (то есть — брачной процессіей) не ѣздили, ибо то нелѣпо есть священнику, егда бо іерей

носить епитрахиль и крестъ, подобаетъ ему быти пѣшу, также и прочимъ, кои будутъ слѣдовать за нимъ. Могутъ священники, по обычаю, ѣздить предъ бракомъ, но просто—безъ креста и епитрахили.

«Смотрѣть, чтобы попы и дьяконы въ кабаки и корчмы не ходили и не пили и не безчинствовали, а которые учнутъ ходить, тѣхъ имать и править на нихъ первый разъ полтину, второй разъ по рублю, въ третій по два рубля.

«Досматривать, есть ли у поповъ и дьяконовъ ихъ ставленыя грамоты, и если даны прежними преосвященными, подтверждены ли подписью преосвященнаго Авраамія, а также есть ли у поповъ и дьяконовъ, переходящихъ съ однихъ мѣстъ на другія, грамоты перехожія, а у вдовыхъ епитрахильныя, и у кого нѣтъ, тѣхъ высылать въ Бѣлгородъ къ преосвященному митрополиту за поруками.

«Приказать накрѣпко попамъ, чтобъ они молитвы говорили родильницамъ и имена нарекали младенцамъ въ домахъ родильницъ, а не заочно—въ своихъ домахъ, и младенцевъ крестили бы въ три погруженія, а не обливали бы.—Также и свадьбы вѣнчали бы въ церквахъ Божіихъ, а не въ домахъ.

«Въ искахъ всякаго чина людей на поповъ и церковныхъ причетниковъ въ управныхъ дѣлахъ старостѣ судить въ десяти рубляхъ и управу чинить въ правду, не отписываясь о томъ къ преосвященному митрополиту, а больше десяти рублей не судить».

Указывая, какъ поступать при погребеніи самоубійцъ и скоропостижно умершихъ, владыка заканчиваетъ свою инструкцію, чтобы тѣхъ священнослужителей, «которые перешли изъ другихъ епархій въ Бѣлгородскую митрополію и служатъ безъ указа и благословенія преосвященнаго митрополита и безъ отпускныхъ грамотъ, тѣхъ поповъ и дьяконовъ за поруками высылать въ Бѣлгородъ по тому жъ въ святительскій приказъ, а служить имъ отнюдь не велѣть.

«А которыя церкви и часовни построены вновь на новыхъ и старыхъ церковныхъ земляхъ, а данью не обложены, и тѣ церкви и часовни данью обложить вновь (указываются размѣры этой дани, въ пользу архіерейской казны, съ дворовъ священно-церковно-служительскихъ и съ церковныхъ земель и разныхъ угодьевъ, которыми владѣли священно-церковно-служители, а также и съ приходскихъ дворовъ, смотря по общественному и имущественному положенію ихъ владѣльцевъ)».

Неурядица въ то время въ Бѣлогородской епархіи была не малая. Такъ одинъ изъ заказчиковъ жаловался митрополиту Иларіону (1711—1720) на ослушаніе попа святительскому указу отъ пристава Курскихъ духовныхъ дѣлъ Петра Терентьева.

Плохо слушались преосвященнаго Иларіона и отцы настоятели монастырей. Такъ именнымъ указомъ отъ 13 октября 1718 г. предписывалось архимандриту Михаилу купить въ Курскѣ въ домъ его преосвященства на нужнѣйшія потребы вина церковнаго самаго добраго 3 ведра и, купя въ Курскѣ, прислать въ архіерейскій домъ, какъ можно скорѣе съ нарочнымъ посыльщикомъ безъ всякой отговорки. Но архимандритъ не только не исполнилъ предписанія владыки, но не подумалъ и отвѣтить. Черезъ мѣсяцъ послѣдовалъ подтвердительный указъ, что-де «повелѣно тебѣ напередъ сего купить вина церковнаго, и по тому указу такого вина въ Бѣлгородъ не прислано: знатно, старанія твоего въ той покупкѣ нѣтъ, и тебѣ бъ, по полученіи сего указа, въ домъ его преосвященства на нужнѣйшія потребы вина церковнаго самаго добраго купить пять ведеръ; а купя прислать въ Бѣлгородъ въ домъ его преосвященства немедленно, какъ наискорѣе; а на сколько цѣною куплено будетъ, тѣ деньги тебѣ возвращены будутъ, и для того посланъ нарочный сынъ боярскій Яковъ Терентьевъ». На этотъ указъ архимандритъ отвѣчалъ, что вино до сихъ поръ не выслано потому, что въ Курскѣ вина нѣтъ, а за покупкою онаго отправленъ нарочитый

въ Москву, и какъ скоро будетъ получено, тотчасъ же и будетъ препровождено въ домъ его преосвященства; а теперь онъ, архимандритъ, проситъ его преосвященство припять въ даръ два ведра волоскаго вина, да лимоннаго соку два ока, что и посылается его преосвященству съ тѣмъ же нарочитымъ—Яковомъ Терентьевымъ.

Епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ, воспитанникомъ Кіевской академіи, «было положено основаніе Харьковскаго коллегіума — высшаго учебнаго заведенія, бывшаго просвѣтительнымъ центромъ Слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета.—Сначала, въ 1722 г., преосв. Епифаній открылъ школу при архіерейскомъ домѣ въ Бѣлгородѣ для дѣтей духовенства съ цѣлію приготовленія ихъ къ священно церковно-служительскимъ должностямъ; школа быстро росла и къ 1726 году имѣла уже 6 классовъ до риторики включительно. Тогда князь М. М. Голицынъ, управлявшій въ то время Слободской Украйной и резидировавшій въ Харьковѣ, желая между прочимъ возвысить значеніе этого города, убѣдилъ преосв. Епифанія перевести эту Бѣлогородскую школу въ Харьковъ, какъ центральный городъ Украйны, съ тѣмъ, чтобы, оставаясь и здѣсь подъ управленіемъ архіерейскимъ, она въ то же время была уже всесословнымъ училищемъ, гдѣ наравнѣ съ дѣтьми духовенства учились бы дѣти и всѣхъ другихъ сословій.

Вся Украйна съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслась къ мысли учредить въ Харьковѣ такое училище, которое по его всесословному характеру и получило здѣсь названіе Коллегіума; краснорѣчивымъ выраженіемъ этого сочувствія служили обильныя, съ разныхъ сторонъ Украйны шедшія, жертвованія въ пользу новозаводимаго училища. Вслѣдъ за княземъ, подарившимъ коллегіуму вотчину, многіе другіе—разныхъ сословій лица—охотно жертвовали для той же цѣли земли, дома, разныя хозяйственныя угодья, деньги. Такимъ образомъ въ самомъ же началѣ составились у коллегіума значительныя владѣнія, которыя были

еще увеличены преосв. Епифаніемъ, приписавшимъ къ коллегіуму три пустыни: Озерянскую, Аркадіевскую и Чугуевскую. Кромѣ того, по его же ходатайству, коллегіуму предоставлены были доходы отъ Каплуновской иконы Богоматери (въ селѣ Каплуновкѣ, Богодуховскаго уѣзда),— наиболѣе чтимой тогда, а вслѣдствіе того наиболѣе доходной святыни въ епархіи Бѣлгородской. Доходы эти впрочемъ исходатайствованы были еще до основанія коллегіума—на Бѣлгородскую школу, и уже потомъ были переведены на Коллегіумъ. Въ ходатайствѣ по сему предмету (отъ 20 февраля 1725 г.) преосвященный Епифаній излагалъ Св. Сѵноду: «Въ село Каплуновку пріѣзжаютъ многіе люди для богомоленія, поютъ молебны и за пѣніе даютъ деньги, а на икону кладутъ привѣсы, и тѣми доходами владѣютъ обрѣтающіеся при той церкви два священника съ дьякономъ и богатятся напрасно — могли бы довольствоваться однимъ приходомъ, понеже дворового числа всѣмъ священникамъ будетъ довольно, а у меня въ школахъ помощію Божіею поповскихъ дѣтей собралось и собирается не малое число, которые начали уже и учиться, откуда, повидимому, можно ожидать добрыя надежды,— токмо таковыхъ дѣтей кормить и поить нечѣмъ, понеже болѣе тѣхъ, которые суть отцовъ зѣло скудныхъ. И чтобы Его Императорскаго Величества указомъ повелѣно было тѣми доходами и привѣсами владѣть архіерейскому дому для совершенія постройки и окончанія школъ и для честнаго содержанія учащихся и имѣющихъ учиться».

«Въ назначеніяхъ на священно-служительскія мѣста, несмотря на то, что приходскіе выборы духовенства были тогда во всей силѣ, преосв. Епифаній не всегда справлялся съ желаніемъ приходскихъ людей, вслѣдствіе чего ему приходилось иногда испытывать и противленіе со стороны прихожанъ. Такъ, города Курска, Покровской церкви попъ Исаія въ челобитной преосвященному Епифанію отъ 3 октября 1726 г. изъяснялъ, что двадцать три года служилъ онъ при означенной церкви діакономъ,

и 10 іюля 1727 года посвященъ его преосвященствомъ къ той же церкви въ попы—на второе поповское мѣсто; но когда ставленная грамота его была прочитана на вечернѣ прихожанамъ, то прихожане выслали его, уже облачившагося въ священническія ризы, вонъ и затѣмъ архимандриту Знаменскаго монастыря, духовному управителю заявили, что попа Исаію пускать въ церковь для службы, а равно и въ домы для мірскихъ требъ, они не намѣрены и церковнаго ключа для хожденія въ церковь на его седьмицѣ давать не будутъ.—Преосвященный предписалъ архимандриту о такомъ противленіи прихожанъ розыскать, и буде по розыску явится то правда, что они Богу и его архіерейской власти противны, объявить имъ за то Божіе и его преосвященства неблагословеніе и входа церковнаго ихъ лишить, также и въ домы ихъ ни единому священнику не входить, подъ лишеніемъ священства, кромѣ смертнаго случая». — Дѣло кончилось мировой, причемъ мировыя и пошлинныя по суду деньги обязался платить все таки попъ.

Ревнуя о чистотѣ правовъ въ своей паствѣ, преосв. Епифаній въ доношеніи Св. Сѵноду (отъ 7 марта 1721 г.) изъяснялъ, что, вслѣдствіе изъятія дѣлъ брачныхъ и любодѣйныхъ изъ вѣдомства духовнаго суда и передачи ихъ въ свѣтское вѣдомство (по Высочайшему указу 12 апрѣля 1722 г.) «беззаконныхъ дѣлъ въ епархіи весьма умножилось, ибо свѣтскіе командиры въ тѣ дѣла отнюдь не вступаютъ, отговариваясь тѣмъ, что это не ихъ дѣло», — и потому ходатайствовалъ о передачѣ тѣхъ дѣлъ въ вѣдомство духовнаго суда по прежнему «для того, что ежели и впредь о такихъ дѣлахъ смотрѣнія и по извѣтамъ слѣдствія и надлежащаго рѣшенія не будетъ ни въ которой командѣ, то за таковымъ безстрашіемъ беззаконныя дѣла весьма умножаться будутъ». Св. Сѵнодъ однакоже рѣшительно отклонилъ это ходатайство, объявивъ преосв. Епифанію, «чтобы онъ отнюдь не вступалъ въ слѣдованіе о тѣхъ беззаконныхъ дѣлахъ».

Кляуза и клевета, столь обычная въ то многомятежное время всякихъ доносовъ и розысковъ, создали для преосв. Епифанія два тяжелыя и характерныя для того времени дѣла, по которымъ хотя и признана была его невинность, но которыя тѣмъ не менѣе доставили ему—въ особенности одно изъ нихъ—много непріятностей. Дѣла слѣдующія:

Доносъ Бѣлгородскаго провинціалъ-инквизитора Игнатія Курапова на преосв. Епифанія въ «сокрытіи государственной измѣны». — Поводъ къ доносу былъ слѣдующій. Въ февралѣ 1724 г. на первой недѣлѣ великаго поста, по случаю открывшейся въ г. Сумахъ ярмаркѣ, въ квартирѣ майора мѣстныхъ войскъ Крецмара собралось нѣсколько товарищей. Въ числѣ гостей находились адъютантъ бригадира Вельяминова прапорщикъ Петръ Аршеневскій и дѣти бывшаго обознаго полковника Кондратьева—«обозный» Михаилъ и «казакъ» Василій Кондратьевы. Послѣ ужина, съ обильнымъ возліяніемъ, офицеры сѣли играть въ карты, а братья Кондратьевы, изъ которыхъ Василій былъ «весьма пьянъ», а Михаилъ «шуменъ», за особымъ столомъ, въ кости. Василій, проигравшій Михаилу до 700 р., заподозрилъ послѣдняго въ нечестной игрѣ и обозвалъ «измѣнникомъ». Произошла ссора, для прекращенія которой Крецмаръ и его гости вынуждены были удалить Василія изъ квартиры. На другой день, протрезвившись, братья, при содѣйствіи Аршеневскаго и Крецмара, помирились, причемъ Аршеневскій получилъ отъ Василія двухъ кобылъ, въ обмѣнъ на ястреба и собаку. Въ тотъ же день Аршеневскій разсказалъ о ссорѣ Кондратьевыхъ и о выгодномъ обмѣнѣ двумъ, бывшимъ на ярмаркѣ, знакомымъ ему Боровенскимъ попамъ Алексѣю Иванову и Петру Васильеву, а послѣдніе разсказъ Аршеневскаго повторили, въ среду на второй недѣлѣ великаго поста, за обѣдомъ у Ахтырскаго игумена Корнилія, съ добавленіемъ ужъ отъ себя, что будто бы Аршеневскій взялъ у Василія Кондратьева двухъ кобылъ за молчаніе объ измѣнѣ брата его Михаила, о которой онъ узналъ на вечерѣ у Крец-

мара. Присутствовавшій за обѣдомъ монастырскій инквизиторъ іеромонахъ Симонъ Вильчиновъ счелъ долгомъ донесть объ этомъ Бѣлгородскому провинціалъ-инквизитору Игнатію Курапову, а Игнатій — епископу Епифанію. По словамъ Игнатія, епископъ будто бы не обратилъ вниманія на этотъ доносъ, сказавши: «оное дѣло не наше; молчи до времени, ибо-де они, можетъ, и пьяные врали». Отсюда — доносъ Игнатія на архіерея въ томъ, что онъ, архіерей, слышавъ объ измѣнѣ Сумскихъ пановъ, Кондратьевыхъ, доношеніе о томъ въ дѣйство производить не велѣлъ, яко бы за то съ нихъ, пановъ, взялъ взятки.

Дѣло это сильно встревожило преосв. Епифанія. Онъ долженъ былъ давать отзывы по этому доносу въ Святѣйшій Сунодъ и Малороссійскую Коллегію и униженно просилъ князя Голицына, президента этой Коллегіи, о защитѣ—въ письмѣ такого содержанія: «Всемилостивѣйшій мой патроне, издревле мой дознаный добродѣю! Умилосердись надо мною, сиротою; не имѣю бо жаднаго (никакого) здѣсь себѣ пріятеля, кромѣ вашего, по Бозѣ, сіятельства. Не дай мнѣ напрасно отъ таковыхъ бездѣльниковъ пропасти, которые подлогомъ своимъ ищутъ главы моей, будто я укрывалъ и не велѣлъ производить того дѣла. Слезно молю ваше сіятельство, милосердаго моего патрона, не даждь меня, бѣднаго и безпомощнаго сироту, въ таковое поруганіе, не отрини меня съ протекціи своей благодѣтельской, буди мнѣ протекторъ и защититель въ семъ нечаянномъ отъ злобнаго человѣка поношеніи и ругательствѣ, а я твой и всего высокороднаго твоего дома искренній рабъ (sic!) и нощедневный богомолецъ».

Тревога преосв. Епифанія была однакоже напрасна. За Кондратьевымъ, по розыску, никакой измѣны не явилось. Всѣ, бывшіе у Крецмара, офицеры на допросахъ показали, что Кондратьевы поссорились пьяные, и одинъ изъ нихъ, Василій, дѣйствительно назвалъ другого, Михаила, измѣнникомъ; но слово это относилось къ нечестной со стороны Михаила игрѣ въ кости и никакого иного смысла

въ себѣ не заключало; а попы, давшіе разсказу Аршеневскаго объ обмѣнѣ ястреба и собаки на двухъ кобылъ свое толкованіе, сказали: «говорили ли они что за обѣдомъ у игумена про этотъ обмѣнъ, того не помнятъ, ибо пьяны были».—Объ оправданіи Епифанія вся епархія была циркулярно оповѣщена указомъ отъ 12 марта 1728 г., въ которомъ Св. Сунодъ, совершенно оправдывая преосв. Епифанія, опредѣлилъ провинціалъ-инквизитора Игнатія Курапова за показанныя въ томъ дѣлѣ многія продерзости іеродіаконства и монашества лишить и для наказанія отослать въ Сенатъ. По приговору Сената, Кураповъ былъ битъ на площади плетьми и сосланъ на 10 лѣтъ въ каторжныя работы.

Послѣ смерти преосв. Епифанія (21 іюля 1731 г.) осталось имущество и деньги, которыя хранились въ библіотекѣ Харьковскаго Коллегіума. Вскорѣ возникло сомнѣніе относительно цѣлости денегъ. Сунодъ предписалъ произвести изслѣдованіе, и по осмотру оказалось: скрыня въ аршинъ четвероугольная, окована желѣзомъ, за замкомъ висящимъ и нутренымъ, за двумя печатями — одна краснаго, а другая чернаго сургуча, сверху и при замкѣ припечатано холстиною въ цѣлости, на печати знакъ змія на крестѣ и вокругъ подписано имя архіерейское въ осьми словахъ; въ той скрынѣ денегъ семнадцать мѣшковъ, въ томъ числѣ за печатью архіерейскою десять мѣшковъ, ярлыковъ къ нимъ не привязано, за разными печатями; а семь мѣшковъ, безъ ярлыковъ же, всѣ печатаны краснымъ сургучемъ, а чьи печати никто не призналъ, да въ мѣшкѣ червонцы безъ печати, и оные мѣшки распечатаны и сосчитаны. По счету оказалось въ 17 мѣшкахъ разной монеты 1989 р. 73 к.; червонныхъ россійскихъ и иностранныхъ, одинакихъ и двойныхъ и съ монетами девять сотъ червонцевъ.

Ректоръ Коллегіума Митрофанъ Слотвинскій на спросъ о тѣхъ дельгахъ и червонныхъ показалъ: «чрезъ кого и когда оныя въ тотъ училищный монастырь привезены и

поставлены, того онъ не вѣдаетъ, а вѣдаетъ про то риторики учитель іеромонахъ Варлаамъ Тещинскій». А Тещинскій объявилъ: «въ прошломъ 730 году, какъ покойный преосвященный Епифаній пріѣхалъ въ Харьковъ и, поживъ малое число, заскорбѣлъ, призвалъ его Тещинскаго къ себѣ и показалъ скрыню за двумя замками и за двумя печатями своими, одна — краснаго, а другая — чернаго сургуча, а что въ оной скрыни, о томъ не объявилъ, а потомъ призвалъ дѣтей боярскихъ двухъ человѣкъ, а какъ звать ихъ не знаетъ, и велѣлъ онъ преосвященный ту скрыню несть за собою въ палату, гдѣ имѣется библіотека, и приказалъ поставить въ той палатѣ, а ему Тещинскому велѣлъ ту скрыню и на ней печати содержать въ цѣлости до указу, которая скрыня и на ней печати содержана была въ той палаткѣ и понынѣ въ цѣлости, а письменнаго свидѣтельства никакого о томъ не имѣется».

Архіепископъ Досиѳей немало заботился о коллегіумѣ, ходатайствовалъ предъ Св. Сѵнодомъ объ ассигнованіи денегъ для студентовъ, которые посланы въ Германію для наученія, и выхлопоталъ для коллегіума библіотеку, оставшуюся послѣ Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго въ количествѣ 273 нумеровъ. Книги эти уцѣлѣли до настоящаго времени, на каждой изъ нихъ находится надпись: Mandato Augustissimae Russorum Imperatricis Annae hic liber applicatus est bibliotecae Collegii Charcoviensis. Anno 1732.

Преосв. Досиѳей также обращалъ вниманіе и на суевѣріе своей паствы. Въ одномъ изъ своихъ посланій онъ обличаетъ тотъ «невѣдомо откуду» вошедшій въ народъ обычай, что, недовольствуясь благословеніемъ Божіимъ, которое въ церкви святой чрезъ священника преподается брачущимся, «еще своими бабьими, паче же дьявольскими, забобонами оное довершаютъ, теща бо выѣдетъ въ стрѣчу на вилахъ, кожухъ вывернетъ, нарядившись въ шапку, и овсомъ посыпаетъ, да еще нѣкоторые и огонь на воротахъ зажигаютъ, и чрезъ тотъ огонь нововѣнчанные

ходятъ, и Богъ вѣсть, нѣтъ ли тутъ какихъ приговорокъ бабьихъ или чародѣяній дьявольскихъ, что весьма въ правовѣрныхъ христіанѣхъ есть срамно и богопротивно. Ибо и суевѣріе или маловѣріе отсюда являются, понеже не довольно таковымъ Божія благословенія, но еще требуютъ отъ діавола, и діавола почитаютъ паче Бога. Еще же и пѣсни поютъ скверныя и непристойныя на таковыхъ честныхъ бракахъ»... Изъяснивъ такимъ чтителямъ діавола, что собственно надлежало бы христіанамъ приступать къ таинству брака со всякимъ благоговѣніемъ, съ святою исповѣдію и пріобщеніемъ св. Таинъ, «но понеже того нѣтъ, то дабы и дьявольщины не было», ревностный архипастырь умоляетъ господъ начальствующихъ, дабы за всѣми своими подначальными прилежно смотрѣли и таковое безчиніе творить запрещали, ослушныхъ же штрафовали; а протопопамъ и духовнымъ управителямъ и священникамъ предписываетъ, дабы еженедѣльно въ церкви народъ увѣщевали и отъ такого суевѣрія отвращали, помня что за неисправленіе свое имѣютъ дать Богу отвѣтъ во второе пришествіе.

Досиѳей предалъ «вѣчной анаѳемѣ» ректора Харьковскаго Коллегіума Митрофана Слотвенскаго и архимандрита Іосифа за то, что они поѣхали жаловаться на него въ Петербургъ, не испросивъ архипастырскаго разрѣшенія. Кромѣ этого проклятія преосв. Досиѳей донесъ Св. Сѵноду, что архимандритъ и ректоръ бѣжали, расхищали монастырскую казну и вообще жили не по монашескому чину. Обвиняемые въ свою очередь жаловались Сѵноду на неумѣренные поступки архіерея, растощеніе Харьковскаго Коллегіума и просили себѣ заступленія.

Завязалось цѣлое дѣло, и въ концѣ концовъ Св. Сѵнодъ, отрѣшивъ Досиѳея отъ епархіи, сослалъ его въ Курскій Знаменскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ «въ утѣсненіи» и крайней бѣдности 23-го марта 1736 г.

Архіепископъ Петръ Смѣличъ былъ родомъ сербъ. Его управленіе, пишетъ А. С. Лебедевъ, безспорно имѣло для

епархіи важное просвѣтительное значеніе. Программу преподаванія въ коллегіумѣ онъ значительно расширилъ введеніемъ въ нее математики и геометріи, а также языковъ французскаго и нѣмецкаго, для преподаванія которыхъ вызваны были особые учители изъ-за границы. Коллегіумъ возвысился до степени «знатнаго училища», какъ духовный свѣтильникъ страны. Какъ ни высоко поставленъ былъ коллегіумъ Петромъ Смѣличемъ въ учебномъ отношеніи, одно это учебное заведеніе не могло однакоже удовлетворять нуждамъ столь обширной епархіи, какой была епархія Бѣлогородская. Коллегіумъ настоятельно нуждался въ подготовительныхъ училищахъ, такъ какъ хотя въ немъ и были приготовительные классы, но значительная часть духовенства весьма затруднялась представлять въ нихъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей и за дальностію разстоянія отъ Харькова, и по относительной дороговизнѣ содержанія въ Харьковѣ—вслѣдствіе того, что тамъ «состояли квартирами генералитетъ и прочіе штабъ и оберъ-офицеры и воинскіе люди».

Удовлетворяя этой нуждѣ, архіепископъ Петръ Смѣличъ озаботился открыть малыя славяно-латинскія школы въ городахъ: Бѣлгородѣ, Курскѣ, Старомъ Осколѣ съ тѣмъ, чтобы окончившіе курсъ въ этихъ училищахъ поступали уже и въ Харьковскій коллегіумъ для довершенія своего образованія.—Распространяя путемъ школъ образованіе, Петръ Смѣличъ въ то же время заботился смягчить обычную для того времени жестокость школьной дисциплины. Онъ приказывалъ, чтобы дѣтей жестоко ни за что не наказывать, а обучать, при надсматриваніи директора, всетщательно и къ выученію, елико возможно, понятно... при томъ же всячески примѣчать, чтобы никакихъ школьнымъ правиламъ противностей ни отъ кого отнюдь не происходило; ежели же что явится отъ кого-либо противнаго, такихъ, смотря по винѣ, наказывать, а въ сумнительствѣ доносы чинить Его Преосвященству». Указъ велѣно объявить въ собраніи учителей и учащихся съ прочетомъ, а учителямъ и съ подпиской.

Народъ любилъ держать въ церквахъ свои иконы, окружая ихъ тамъ особеннымъ вниманіемъ, какъ бы своихъ спеціальныхъ боговъ — покровителей. Преосвященный Петръ обратилъ вниманіе на такой близкій къ идолопоклонству обычай и повелѣлъ всѣ такія иконы отобрать въ теченіе одной недѣли со времени полученія указа о семъ, и если владѣльцы иконъ своихъ не возьмутъ, то положить оныя честно въ какомъ-нибудь удобномъ мѣстѣ при церкви, въ самомъ же храмѣ отнюдь не держать».

Преосвященный также негодовалъ на вкоренившійся обычай во время поминовенія умершихъ въ храмахъ на могилахъ, а также во время вѣнчанія въ храмахъ же пить горѣлку, что онъ запрещалъ строжайшими указами и установилъ секретныхъ къ тому смотрителей изъ церковниковъ понедѣльно, которые доносили бы о семъ протопопу для наказанія по усмотрѣніи вины тѣлесно или денежнымъ штрафомъ.

Въ 1741 году игуменъ Харьковскаго Покровскаго монастыря, онъ же и ректоръ Харьковскаго коллегіума, Варлаамъ и намѣстникъ Преображенскаго монастыря Венедиктъ жаловались его преосвященству, что полковой сотникъ Леонтій Глуховичъ въ 1738 и 1739 годахъ обоимъ монастырямъ «наглыя и несносныя разорительныя обиды учинилъ», именно: неоднократно присылалъ въ вотчины и хутора тѣхъ монастырей по нѣскольку подводъ съ подводчиками, якобы для прокормленія государевыхъ коней, отчего, за недостаткомъ корма, въ то время, погибло всякаго монастырскаго скота многое число, да имъ же Глуховичемъ хуторъ и мельница Покровскаго монастыря, находящіеся въ Харьковскомъ полку близъ деревни Даниловки, разорены въ конецъ; всѣхъ убытковъ, причиненныхъ Глуховичемъ обоимъ монастырямъ, показано 2284 рубля. Преосвященный, въ бытность свою въ Харьковѣ, «памятуя и ревнуя о томъ, да ни единъ паствы его сынъ отъ истиннаго пути заблудився злѣ погибнетъ», послалъ къ Глуховичу протопопа съ увѣщаніемъ и пригла-

шеніемъ или принести оправданіе, если невиновенъ, или просить прощеніе, если виновенъ; но Глуховичъ, презрѣвъ архіерейскую власть, явиться къ архіерею не хотѣлъ, объявляя, что не пойдетъ потому, что архіерей имѣетъ на него гнѣвъ. Тогда преосвященный сообщилъ о вышеобъявленныхъ «наглыхъ и безсовѣстныхъ обидахъ» въ полковую канцелярію съ требованіемъ сатисфакціи, а за презрѣніе епископской власти предалъ Глуховича «единою персоною» отлученію отъ всхода церковнаго, съ запрещеніемъ и на дому править для него какія-либо христіанскія требы.

Относительно митрополита Антонія авторъ исторіи Бѣлогородскихъ архіереевъ говоритъ, что этотъ необычайный въ исторіи Россійской іерархіи архипастырь былъ изъ молдаванъ; епископствовалъ онъ у насъ сначала въ Черниговѣ (1740—1742 гг.), потомъ въ Бѣлгородѣ (1742—1748 гг.).

Что такое онъ былъ, какъ жилъ и дѣйствовалъ на своей родинѣ, и затѣмъ, какъ и почему попалъ къ намъ въ Россію,—свѣдѣній, обстоятельныхъ, по крайней мѣрѣ, не имѣется; мы знаемъ только, что по степени епископскаго служенія на родинѣ онъ былъ митрополитъ — съ этимъ званіемъ опредѣленъ онъ и у насъ на Черниговскую каѳедру указомъ 29 мая 1740 г.; самъ онъ въ позднѣйшемъ донесеніи Св. Сѵноду по дѣлу, о которомъ рѣчь будетъ ниже, говоритъ о какихъ-то хорошо извѣстныхъ Сѵноду «къ Россійскому государству и всемилостивѣйшей государынѣ императрицѣ услугахъ, для которыхъ онъ, свое отечество оставя, подъ кровъ Ея Императорскаго Величества радостно съ искреннею желанностію прибѣгнулъ». Въ этихъ услугахъ, оказанныхъ россійскому государству и государынѣ, молдавскій архіерей полагалъ, повидимому, для себя неоспоримое право — пасти ввѣренную ему въ Россіи духовную паству по своему нраву или по обычаямъ своего отечества, не справляясь съ правилами и постановленіями земли русской. Первымъ дѣломъ его по

прибытіи въ Черниговскую епархію было—перемѣнить во всѣхъ церквахъ прежніе антиминсы на новые, за которые положилъ взимать по 4 рубля. Это возбудило жалобы. Св. Сунодъ потребовалъ объясненія. Антоній отвѣчалъ: «онъ человѣкъ иностранный и незнающій въ томъ обыкновенія великороссійскаго. Въ молдавской же землѣ находится обыкновеніе такое, что когда опредѣленъ бываетъ въ какую епархію архіерей новый, то отъ него антиминсы раздаются во всѣ церкви. Того ради, въ Кіевской типографіи заблагоразсудилъ онъ отпечатать вновь на атласѣ двѣсти антиминсовъ, да на швабскомъ полотнѣ двѣсти жъ, и при раздачѣ ихъ брать по 4 рубля за каждый».

О дальнѣйшихъ занятіяхъ этого архипастыря мы повѣствовать не станемъ, отсылаемъ желающихъ познакомиться съ ними въ книгѣ А. С. Лебедева и закончимъ о немъ словами автора. «Шесть лѣтъ епископствовалъ Антоній на Бѣлогородской каѳедрѣ, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы архіерейская казна полнѣла и ни въ чемъ не терпѣла ущерба—въ этомъ, повидимому, и состояла главная задача его управленія».

Замѣститель Антонія былъ Іоасафъ Горленко, выдѣляющійся, по словамъ автора, какъ архипастырь — по преимуществу народный; мѣстное населеніе, въ районѣ бывшей Бѣлгородской епархіи и даже далеко за предѣлами ея, признаетъ его святымъ и съ благоговѣйнымъ усердіемъ чтитъ его память. «Спустя два года по погребеніи святителя Іоасафа,—повѣствуется въ житіи его—нѣкоторые изъ чиновъ Троицкаго собора, гдѣ погребенъ онъ, зная святую жизнь архипастыря и движимые любопытствомъ, тайно взошли въ его усыпальницу и открыли его гробъ. При этомъ не только тѣло святителя найдено совершенно нетлѣннымъ во всѣхъ своихъ составахъ, и лицо его сходственнымъ съ его портретами, но и самымъ одеждамъ его, покрову и самому гробу не коснулось даже малѣйшее тлѣніе, хотя и чувствовалась достаточная сырость въ воздухѣ при открытіи склепа. Слухъ объ этомъ

вскорѣ разнесся далеко по окрестности и привлекъ къ гробу святителя многихъ недужныхъ, которые, по отпѣтіи панихидъ, допускаемы были къ нетлѣннымъ его останкамъ и, по вѣрѣ своей, получали помощь свыше». Впослѣдствіи, преосвященный Ѳеоктистъ (Бѣлгородскій же), узнавъ, что «бывающіе въ каѳедральномъ соборѣ любопытствуютъ о тѣлахъ покойныхъ здѣшнихъ преосвященныхъ епископовъ Іоасафа Горленко и Луки Конашевича», предписалъ консисторіи «къ пресѣченію сего учинить по надлежащему», и консисторія опредѣлила: «Бѣлгородскаго каѳедральнаго собора къ протоіерею Іоанну Ильинскому съ соборянами послать указъ и велѣть, въ прекращеніе бываемаго отъ нѣкоторыхъ приходящихъ въ тотъ соборъ людей любопытства о вышеписанныхъ покойныхъ преосвященныхъ тѣлахъ, входныя въ то мѣсто, гдѣ гробы стоятъ, двери замкнуть навсегда замкомъ и запечатать печатью, и затѣмъ наблюдать неослабно какъ протоіерею Іоанну Ильинскому, такъ и ключарю протоіерею Іоанну Пономареву, о чемъ ихъ, по силѣ предписанія Его Преосвященства, и обязать въ консисторіи наистрожайшею подпискою. Марта 12 дня, 1791 года». Неизвѣстно на долго ли замокъ и печать закрывали входныя двери въ усыпальницу святителя Іоасафа, во всякомъ случаѣ, закрытыми остались онѣ не навсегда, такъ какъ въ настоящее время и входъ въ усыпальницу открытъ, и гробъ святителя открытъ, и всѣ желающіе молиться у гроба (а таковыхъ множество) имѣютъ свободный доступъ къ нему.

Управленіе Бѣлогородской епархіей составляло для преосв. Іоасафа предметъ живѣйшихъ его заботъ, посланій и указовъ имъ было разослано немало. Проявлявшееся въ церквахъ, при отправленіи богослуженія, высокомѣріе архимандритовъ и протопоповъ и нарушеніе устава монашеской жизни въ монастыряхъ нашли себѣ внушительное обличеніе въ слѣдующемъ указѣ преосвященнаго отъ 2 марта 1754 г.: «Понеже изъ произведенныхъ въ консисторіи слѣдственныхъ дѣлъ нами усмотрѣно, что не то-

чію нѣціи монастырскіе начальники, при выходахъ своихъ изъ кельи въ церковь, приказываютъ во всѣ колокола звонить, но уже и протопопы въ тоже пришли сумасбродство, и съ колоколами и съ пѣніемъ «достойно есть» входятъ въ церковь, да къ тому же извѣстно, что нѣкіихъ монастырей начальники уже стыдятся отъ гордости сами проскомисать во время служенія или литургіи, а исправлять то очереднымъ іеромонахъ оставляютъ, и служеніе свое отправляютъ на коврахъ не по своему достоинству, но, мечтая о себѣ высоко, единымъ токмо архіереямъ подобающую честь и церковную ихъ церемонію себѣ похищаютъ, и о своихъ токмо помпахъ прилежатъ, а объ общемъ чинѣ монастырскомъ въ созиданіе и пользу братіи и о храненіи спасеннаго монастырскаго устава (котораго едва уже и слѣдъ обрѣтается) отъ богоносныхъ отецъ преданнаго ничего не радятъ, а именно: сами начальники въ церковь не ходятъ, и братіи не надзираютъ, общую трапезу отвергли, и какъ сами никогда въ трапезѣ не бываютъ, такъ и общее братство не бываетъ же, а порціи раздаютъ по кельямъ, и прочіе монастырскіе чины уничтожены, какъ-то: очередное іеромонахамъ и іеродіаконамъ седьмичное священнослуженіе, чтеніе псалтири по очереди, мантій никогда не носятъ, а хранятъ ихъ токмо для смерти, волочатся безъ позволенія настоятеля, куда хотятъ, за монастырь».

Архипастырскія «прещенія» Іоасафа Горленко касались также народныхъ празднованій и увеселеній, въ которыхъ ревностный архипастырь усматривалъ слѣды идолопоклонства и служенія бѣсу. Въ указѣ по сему предмету отъ 10 ноября 1750 г. читаемъ: «усмотрѣно во многихъ городахъ и селахъ, что народъ, языческаго празднованія и идолослуженія слѣды храня, дѣлаетъ колыски, называемые рѣли, и въ недѣлю св. Пасхи и въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла на нихъ качается, такожъ въ недѣлю св. Троицы празднуетъ бѣсовскій праздникъ березы и въ день св. Іоанна Предтечи — купала и вечер-

ницы, и пѣсни скверныя; вся же слѣды идолопоклонства празднуетъ народъ отъ неразумія своего, а священники, по званію своего пастырства, того имъ не возбраняютъ». Обличая священниковъ за такое нерадѣніе ихъ къ исполненію своего долга, преосвященный строго предписываетъ имъ учить народъ, «чтобы въ приходахъ идолопоклонническія жертвы не праздновались, какъ-то: колыски, называемыя рѣли, березы, купала, вечерницы и клики».—Въ «реестрѣ, чего должны протопопы смотрѣть при осмотрѣ своемъ благочинія по церквамъ», между прочимъ предписывается смотрѣть: «не имѣются ли гдѣ колыски купальныя и гдѣ сыщутся при себѣ разорять».

И по призыву архипастыря, духовенство ревностно ополчалось на истребленіе слѣдовъ идолопоклонства. Какъ именно понимало оно въ этомъ случаѣ и исполняло свой долгъ и какъ отвѣчалъ народъ на пастырскую ревность вразумить его насчетъ неразумнаго чествованія игрищами бѣса, объ этомъ понятіе можетъ дать слѣдующее доношеніе священника Потапа, Харьковскаго уѣзда, городка Ольшанной, Воскресенской церкви, въ Харьковское духовное правленіе: «сего 750 г. ноября 6 дня указъ Ея И. В. изъ консисторіи мною полученъ, въ которомъ между прочимъ въ 8 пунктѣ объ искорененіи языческаго идолослуженія слѣдовъ изображено; а понеже въ моемъ приходѣ у дѣвицы Ксеніи Олейниковой вечерницы собирались, то я по должности своей оную дѣвицу о несобираніи оныхъ вечерницъ персонально и чрезъ нарочно посланныхъ многажды увѣщевалъ, и городка Ольшанной сотнику Ивану Ковалевскому, дабы запретить оной дѣвицѣ въ свою избу вечерницы собирать, докладывалъ; но оная дѣвица Ксенія какъ моего совѣта, такъ и сотникова запрещенія не слушала; того ради я, по должности моей, сего декабря 26 дня причетниковъ для разогнанія изъ онаго собранія молодцовъ и дѣвокъ послалъ, что и учинено; и сего жъ декабря 27 дня, будучи мнѣ у вышеупомянутаго сотника Ивана Ковалевскаго, невѣдомо съ

какого умысла, Харьковскаго полку подпрапорный Василій Самородскій, напалъ на меня нахально, безъ всякой моей предъ нимъ винности, матерно бранилъ и поносилъ скверными словами и къ грудямъ моимъ съ тростію прискакивалъ и въ глаза и по главѣ ударить замѣрялся, сказуя: «на что ты вечерницы разгоняешь?» — и ежели бы я отъ его злого намѣренія подъ столъ не схоронился, то мнѣ главу бы разбилъ или глаза бы выткнулъ, отъ чего мнѣ учинилось немалое безчестіе и впредь въ исполненіи указовъ опасность; того ради Харьковское духовное правленіе прошу сіе мое доношеніе принять и впредь для вѣдома записать». — По сему доношенію, правленіе опредѣлило объ обидчикѣ священника въ Харьковскую полковую канцелярію сообщить промеморіею; о самомъ же священникѣ не сдѣлано никакого опредѣленія, конечно потому, что и съ точки зрѣнія правленія священникъ, посылавшій причетниковъ разгонять молодцовъ и дѣвокъ собиравшихся на посидѣлки, дѣлалъ не иное что, какъ исполнялъ прямой свой пастырскій долгъ.

Ревностный блюститель православія, преосв. Іоасафъ относился съ нетерпимостію ко всякому иновѣрію и сектанству.

Лютеранское вѣроисповѣданіе для него было «проклятый лютеранизмъ», и въ дѣлахъ консисторскихъ его времени значатся случаи присоединенія лютеранъ къ православію чрезъ перекрещиваніе, несмотря на то, что уже при Петрѣ I въ 1718 г. Русская церковь такое перекрещиваніе лютеранъ признала неправильнымъ и опредѣлила присоединять ихъ къ православію чрезъ одно миропомазаніе.

О содержащихъ расколъ при преосв. Іоасафѣ производились строжайшіе розыски и сысканнымъ не давалось пощады. Въ 1753 г. изъ Чугуевскаго духовнаго правленія присланъ въ консисторію раскольникъ Сидоръ Борисовъ, онъ же Чекменевъ, при доношеніи, въ которомъ изъяснено, что онъ «между простыми людьми разсѣеваетъ

богопротивныя душевредныя раскольничьи ереси». Въ консисторіи онъ показалъ: «во время возраста своего наученъ онъ раскольнической ереси отцемъ своимъ, крестъ на себѣ изображать двоеперстнымъ сложеніемъ, но въ церковь Божію ходилъ и святымъ иконамъ покланялся и исповѣдывался и святыхъ таинъ сообщался по 744 г., а въ томъ году отецъ его ему Сидору въ церковь ходить и св. иконамъ покланяться и исповѣдываться и св. таинъ сообщаться запретилъ для того, что прежде службу Божію отправляли на 7 просфорахъ и крестъ изображали двоеперстнымъ служеніемъ, къ тому же и всѣ священническія посвященія совершаются въ церкви по новопечатнымъ книгамъ, а болѣе того въ расколѣ никакой силы не знаетъ, и въ томъ 1744 году въ бывшую въ городѣ Чугуевѣ ревизію подалъ онъ о положеніи его въ двойной раскольничій окладъ сказку, токмо еще того оклада не положили, и нынѣ отъ того раскола въ православіе обратиться и св. церкви повиноваться не желаетъ до кончины живота своего». Консисторія опредѣлила: «Означенный раскольникъ Сидоръ Чекменевъ хотя, по силѣ указовъ, и подлежалъ суду гражданскому, но понеже изъ представленія Чугуевскаго духовнаго правленія оказалось, что онъ многія между простымъ народомъ разсѣеваетъ ереси, и егда, по наказаніи, изъ свѣтской команды освободится, то и больше такія раскольничія ереси разсѣевать и простой народъ совращать будетъ, и посему чтобы той раскольничьей ереси не разсѣевалъ и къ своему погибельному пути никого изъ правовѣрныхъ не прельщалъ, отослать его Чекменева въ Святогорскій Успенскій монастырь и содержать въ томъ монастырѣ по смерть подъ крѣпкимъ карауломъ въ кандалахъ въ особой тюрьмѣ и никого къ нему не допускать, и отправить его подъ карауломъ съ нарочными дѣтьми боярскими, давъ имъ съ наставленіемъ инструкцію, чтобы онъ Сидоръ утечки не учинилъ или отнять не былъ по тракту; и дать онымъ дѣтямъ боярскимъ въ провожатые изъ церковно-причетни-

ковъ потребное число; если же онъ, будучи въ томъ монастырѣ, познаетъ истину православной церкви и пожелаетъ обратиться, тогда представить о немъ доношеніе».

Святитель Іоасафъ пасъ свою духовную паству жезломъ твердымъ и грознымъ, щедро примѣняя тѣлесныя наказанія не только къ лицамъ мірскимъ (изъ простонародья), но и духовнымъ. Примѣровъ множество.

Въ 1752 г. Харьковскій священникъ Іоаннъ Млодзинскій подалъ въ Харьковскую полковую канцелярію на Харьковскую жительницу Анну Кочержиху жалобу въ томъ, что она во время отправленія вечерняго пѣнія била его въ церкви по щекамъ и за волоса за то, что онъ высылалъ ее дочь, дѣвку Ѳедосью, изъ церкви «понеже увѣдомился онъ, священникъ, отъ соборнаго звонаря Григорія, что показанная дѣвка родила трехъ дѣтей, прижитыхъ блудно и покрыла сама собою голову».

Преосвященный повелѣлъ «женку Анну Кочержиху, сыскавъ въ Харьковское духовное правленіе, учинить ей, по силѣ прописаннаго церковнаго правила, жестокое плетьми наказаніе и по наказаніи отослать съ нарочнымъ на ея коштѣ въ старо-оскольскій дѣвичій монастырь въ монастырскую работу на годъ».

1748 года іюня 9 го дня, жители села Шелудковки, черкасы Петръ Зеленскій и Іосифъ Габа, допрошенные по обвиненію ихъ жительницею того же села Евфросиніею Оробцевою въ иконоборствѣ и раздробленіи образа на малыя части, сначала въ Изюмской полковой канцеляріи, были пересланы потомъ въ консисторію. За это преосв. Іоасафъ повелѣлъ учинить имъ въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе и для чистаго покаянія о томъ содѣянномъ ими согрѣшенія отослать ихъ при указѣ въ Святогорскій Успенскій монастырь въ подначальство на два года и содержать въ томъ монастырѣ во всякихъ монастырскихъ тягчайшихъ трудахъ неисходныхъ и въ церковь Божію внутрь не допущать къ слушанію божественной литургіи, а велѣть имъ у дверей стоять и слушать боже-

ственнаго пѣнія съ объявленіемъ всѣмъ, входящимъ въ церковь, своего грѣха, такожъ божественныхъ таинъ не сообщать ихъ, кромѣ смертнаго случая, и о томъ въ страхъ прочимъ публиковать указами во всю епархію, которые должны прочитаться въ праздничные дни при народѣ.

Подобное же «милосердое» постановленіе сдѣлано преосвященнымъ Іоасафомъ относительно бѣглыхъ монаховъ Харьковскаго Покровскаго монастыря Дороѳея и Ѳеофана, пойманныхъ съ фальшиво составленнымъ паспортомъ: «хотя означенные монахи за составленіе себѣ о пропускѣ воровского паспорта, по силѣ соборнаго уложенія 4 главы 1 пункта и указа прошлаго года августа 31 дня, и подлежали, по лишеніи монашескаго сана, къ отсылкѣ въ свѣтскій судъ для учиненія имъ гражданскаго наказанія, но его преосвященство, милосердуя о нихъ, пастырски указалъ къ гражданскому наказанію не отсылать, а лиша іеромонашескаго и монашескаго чиновъ, снявъ клобуки, учинить въ консисторіи жестокое плетьми наказаніе и сослать въ ссылку—Дороѳея въ Старо-Оскольскій Троицкій, а Ѳеофана въ Вольновскій Троицкій же монастырь съ тѣмъ, чтобы содержать ихъ въ тѣхъ монастыряхъ въ оковахъ даже до кончины живота ихъ неисходно» и т. д.

Но строгій къ виновнымъ Іоасафъ былъ сострадателенъ ко всѣмъ несчастнымъ, страждущимъ и нуждающимся. Всѣ свои доходы онъ употреблялъ на подаяніе и помощь бѣднымъ, и самъ мало заботился о своихъ удобствахъ, ведя строгую аскетическую жизнь. Послѣ его смерти остались только двое серебряныхъ часовъ, 16 книгъ, серебряная ложечка, нѣсколько вещей домашняго обихода, немного одежды и денегъ 7 рублей, девять талеровъ, да три червонца, которые употреблены на покупку гроба и розданы на поминовеніе.

Если преосв. Іоасафъ щедро примѣнялъ тѣлесныя наказанія, то одинъ изъ слѣдующихъ Бѣлогородскихъ епископовъ, преосв. Аггей, вслѣдствіе указа Императрицы

Екатерины II, отмѣнявшаго въ 1762 г. эти наказанія духовныхъ лицъ, не могшій уже распоряжаться спинами своихъ подчиненныхъ, придумалъ не менѣе тяжкую кару: онъ назначалъ поклоны въ количествѣ, можно сказать, нестерпимомъ.

Изюмской протопопіи священникамъ и дьяконамъ, небывшимъ на исповѣди у опредѣленнаго духовника и ложно показавшимъ, будто они исповѣдывались у другихъ, преосвященный Аггей опредѣлилъ положить въ соборной церкви при протоіереѣ и духовникѣ по 1000 поклоновъ.

Тысяча поклоновъ—это, какъ видно, была у епископа Аггея излюбленная мѣра наказанія во всякаго рода провинностяхъ, болѣе или менѣе значительныхъ. Мѣра, конечно, немалая. Но епископъ не довольствовался и этимъ въ своемъ усердіи превращать молитву въ наказаніе.— Валуйское духовное правленіе представило діакона Христорождественской церкви (въ селѣ Посоховѣ, Валуйскаго округа) Павла Попова къ рукоположенію во священника къ Богоявленской церкви (въ селѣ Богоявленскомъ Валуйскаго же округа) по данному будто бы отъ приходскихъ людей выбору, а въ то же время діаконъ этой церкви Пименъ Одинцовъ въ прошеніи на имя его преосвященства изъяснялъ, что діаконъ Павелъ Поповъ получилъ тотъ выборъ чрезъ напой приходскихъ людей горячимъ виномъ до пьяна, и просилъ — Павла Попова во священника къ означенной Богоявленской церкви не производить, а произвести его Пимена, такъ какъ онъ прежде Попова отъ тѣхъ же приходскихъ людей получилъ выборъ и находится при той церкви двадцать три года безпорочно. Изъ произведеннаго слѣдствія открылось, что діаконъ Поповъ дѣйствительно ходилъ съ родственниками своими по дворамъ прихожанъ Богоявленской церкви, разнося вино, и кромѣ того зазывалъ прихожанъ въ кабакъ, гдѣ поилъ ихъ до пьяна, соглашая къ подписанію выбора и обѣщая впредь еще и больше напоить; прихожане признались, что своего дьякона Пимена обидѣли

напрасно и теперь свой приговоръ отмѣняютъ и дьякона Павла, какъ мало извѣстнаго имъ человѣка, священникомъ имѣть не желаютъ. — Разсмотрѣвъ это дѣло, преосвященный опредѣлилъ: «Валуйскому духовному правленію, утаившему въ представленіи о производствѣ діакона Попова во священника безсовѣстный поступокъ Попова, сдѣлать соразмѣрный репримандъ, а Попова за оный проступокъ отправить въ Бѣлгородскій Николаевскій монастырь на трехмѣсячное пребываніе, съ положеніемъ трехъ тысячъ поклоновъ».

Быть можетъ, многіе изъ этихъ кающихся предпочли бы и наказаніе плетьми, чѣмъ такое истязаніе, отъ котораго можно лишиться жизни, тѣмъ болѣе, что преосв. Аггей пощады не давалъ и «для кладенія поклоновъ» въ церкви назначалъ особыхъ ассистентовъ, доносившихъ ему о правильности исполненія его приговора.

Въ числѣ Бѣлогородскихъ архіереевъ съ 1768 по 1771 г. былъ и небезъизвѣстный Ростовско-Ярославской епархіи Самуилъ Мисловскій.

Архипастырское служеніе Самуила въ Бѣлгородѣ, несмотря на кратковременность (менѣе трехъ лѣтъ), было въ высшей степени благотворно для епархіи, особенно въ просвѣтительномъ отношеніи. Духовныя школы болѣе всего испытали на себѣ эту благотворную силу его просвѣщеннаго управленія, и прежде всего — Харьковскій коллегіумъ. Памятникомъ благотворной заботливости преосвященнаго Самуила о подъемѣ образовательнаго значенія этого учрежденія служитъ, между прочимъ, «инструкція Харьковскаго училищнаго коллегіума ректору..., какъ и чему именно въ коллегіумѣ учить», данная въ 1769 г. «для приведеніе въ цвѣтущее состояніе коллегіума»; въ ней всѣмъ учебнымъ предметамъ, преподаваемымъ въ коллегіумѣ, дана, по тогдашнему времени, широкая и солидная постановка—съ обстоятельнымъ объясненіемъ для каждаго класса учебныхъ руководствъ, объема и методовъ преподаванія.—Въ «прибавочныхъ классахъ» Саму-

илъ призналь полезное дополненіе коллегіумской программы, почему и росписаніе учебныхъ часовъ въ коллегіумѣ приказалъ составить такъ, чтобы для учениковъ коллегіума не было никакого препятствія къ хожденію въ эти классы. Изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ этихъ классахъ, особенное значеніе придавалъ онъ иностраннымъ языкамъ, и къ совершенствованію учениковъ Харьковскаго коллегіума въ знаніи сихъ языковъ заботливо принималъ и указывалъ цѣлесообразныя мѣры. Такъ, въ 1770 г., принимая во вниманіе, что въ Харьковскомъ коллегіумѣ «къ поправленію и распространенію наукъ и языковъ необходимая состоитъ нужда въ учителяхъ знающихъ и достойныхъ», опредѣлилъ изъ студентовъ богословія двухъ человѣкъ, изъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей его епархіи, «отправить на его собственномъ коштѣ въ Германію въ знатнѣйшіе университеты, дабы они въ пользу государства высшихъ могли обучаться наукъ и языковъ». Въ 1771 году, по силѣ заключеннаго съ выписаннымъ изъ Московскаго университета для прибавочныхъ классовъ учителемъ Петромъ Аттономъ (Оттономъ?), контракта, четверо изъ наличныхъ французскаго класса учениковъ, во французскомъ языкѣ уже предуспѣвшихъ, должны были, по указанію преосв. Самуила, помѣститься у сего учителя въ домѣ съ тѣмъ, чтобы, упражняясь въ французскомъ языкѣ, чрезъ всегдашнее съ нимъ, Аттономъ, обращеніе «могли затвердить прямую французскую, самую парижскую, а не гасконскую прононсію», изучить литературу въ болѣе видныхъ, по крайней мѣрѣ, и талантливыхъ представителяхъ (Руссо, Вольтеръ—съ тѣмъ однакоже ограниченіемъ, «чтобы изъ сочиненій сихъ двухъ краснорѣчивыхъ мужей выбирать такія, которыя ничего не заключаютъ въ предосужденіе нашей вѣрѣ и благочестію, ибо они чѣмъ славнѣе своими дарованіями, тѣмъ изобильнѣе дерзновенными мнѣніями»), пріобрѣсти хорошій стиль, между прочимъ епистолярный, и тѣмъ сдѣлаться самимъ способными къ опредѣленію ихъ

впредь во французскій классъ въ учительскіе помощники, а потомъ и въ учители».

Вмѣстѣ съ подъемомъ языковъ иностранныхъ возвышенъ былъ въ своемъ значеніи и языкъ русскій. Русскій языкъ вообще былъ, такъ сказать, въ загонѣ въ тогдашнихъ школахъ — языкъ латинскій, какъ учебный языкъ школы, во всемъ шелъ впереди, служа образцомъ для самого русскаго.

Преосв. Самуилъ былъ чуждъ такого, общаго въ то время, пристрастія къ латыни, обиднаго для языка роднаго. По его учебной инструкціи классъ россійской грамматики назначается прежде грамматики латинской; сверхъ классовъ латинской поэзіи и риторики, изначала существовавшихъ въ коллегіумѣ, учреждается (по той же инструкціи) классъ «россійской элоквенціи и поэзіи», и для лучшаго устройства преподаванія въ этомъ классѣ тогда же, по распоряженію преосвященнаго (мотивированному тѣмъ, что «въ Харьковскомъ училищномъ коллегіумѣ не достаетъ россійскаго класса, а въ заведеніи онаго, такожъ и къ преподаванію въ учителяхъ состоитъ необходимая нужда») двое студентовъ коллегіума командированы были въ Московскій университетъ «для обученія тамъ россійской поэзіи и элоквенціи» — съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи, быть имъ преподавателями сихъ предметовъ въ коллегіумѣ. Диспуты богословскіе,—по той же инструкціи Самуила, — должны отправляться не на латинскомъ только языкѣ, какъ было прежде въ коллегіумѣ и какъ дѣлалось это даже и послѣ того во многихъ семинаріяхъ, а на латинскомъ и русскомъ языкахъ попеременно; диспуты же философскіе — исключительно на россійскомъ языкѣ. Учащимся въ богословіи предписывалось «проповѣди, по крайней мѣрѣ, три въ годъ, сочинить самимъ чистымъ штилемъ россійскимъ». Стоитъ замѣтить, что, въ интересахъ русскаго языка, самому французу Аттону поставлено было въ обязанность — переводить съ учениками французскія книги на россійскій языкъ «съ точнымъ

наблюденіемъ онаго красотъ, въ чемъ, если оный учитель, какъ человѣкъ иностранный, недостаточенъ, можетъ вспомоществовать ему г. директоръ».

Устроя учебную часть коллегіума, преосв. Самуилъ вмѣстѣ съ тѣмъ много заботился и объ хозяйственномъ его благоустройствѣ. Зная, что монахи, приставленные къ собиранію Каплуновскихъ доходовъ, мало думаютъ объ интересахъ коллегіума, а корыствуются этими доходами сами, въ указѣ на имя ректора коллегіума отъ 11 февраля 1771 года предписывалъ: «объявить ректору Лаврентію, что впредь долженъ быть Каплуновскій начальникъ не на такомъ основаніи, какъ до сего начальники были, а на отмѣнномъ, а именно: всѣ денежные доходы, за отправленіе молебствій и акаѳистовъ и прочаго собираемые, класть въ одинъ ящикъ нарочно для коллегіума сдѣланный, и ежемѣсячно свидѣтельствовать и въ коллегію привозить тѣ деньги, а въ карманы ничего изъ тѣхъ денегъ не класть». Особенно заботился онъ, чтобы содержаніе учениковъ въ сиропитательномъ домѣ, при коллегіумѣ, было безбѣдное.

Къ своей паствѣ Самуилъ обратился съ горячимъ воззваніемъ. Это воззваніе привлекло много жертвованій, при пособіи которыхъ (въ прибавокъ къ доходамъ отъ молебновъ въ Каплуновской церкви) и могъ быть построенъ для общежитія бѣдныхъ учениковъ коллегіума большой каменный двухъ-этажный корпусъ. Въ числѣ жертвователей первымъ былъ самъ преосвященный, давшій на постройку 100 руб. Постройка корпуса, начатая въ 1770 г., окончена въ 1773 г., когда преосв. Самуилъ былъ уже на другой епархіи; но онъ и издали участливо слѣдилъ за ходомъ постройки, получалъ отъ коллегіумскаго начальства по этому дѣлу обстоятельныя донесенія и съ своей стороны давалъ благожелательныя указанія и совѣты.

Этимъ мы и закончимъ обзоръ замѣчательной книги профессора А. С. Лебедева, книги весьма интересной и поучительной.